

У

дяди Жоры, нашего соседа по четырехэтажной «хрущевке», обеих ног не было — инвалид войны. Он часто, да почти всегда, задумчиво сидел у дверей подъезда на своей низенькой деревянной коляске, почти дощечке с четырьмя маленькими колесами, и курил, курил, не переставая. Его худое, очень смуглое лицо выражало полную отрешенность, как будто он витал в другом каком-то измерении, да и общаться с ним было затруднительно — надо либо сгибаться пополам, либо объясняться свысока, что уж никак не вязалось с его ветеранским обликом. Но стоило заговорить, и сразу же почувствуешь, что это добрый, умный человек, общительный вполне. Его симпатичная жена, тетя Лиза, уже после войны родила трех сыновей.

Дядя Жора, случалось, выпивал. Как-то раз супруга попросила занести домой его, уснувшего на своей коляске. Совсем он невесомый. Еще для выездов имелась большая коляска с велосипедными колесами. Хотя они и жили на первом этаже, ее трудновато было заносить в квартиру, и инвалиду разрешили иметь свой небольшой сарайчик во дворе.

Мы и подружились с ним из-за сарайчика.

Я на стипендию студенческую купил мотороллер, совсем не думая, куда его

буду ставить. Сначала к другу попросился, который в частном доме жил. Закачывал порой к себе в квартиру, в коридор — мы тоже жили на первом этаже. Но это все не то, конечно. И вот дядя Жора, мой мытарства наблюдая, подзывает как-то:

— Ставь в мой сарай, — и ключ дает отдельный.

Как я, студент, мог дядю Жору отблагодарить? Раз в месяц, опять же со стипендии, по простоте душевной брал бутылку водки и отдавал ему — сначала он отказывался, смущался очень, но все же я вручал ему свой магарыч. Обычно эта процедура проходила в привычном для него месте — у подъезда. Он брал бутылку и она мгновенно, как у хорошего иллюзиониста, куда-то исчезала с глаз долой. То ли под мышку помещал, то ли под себя пристраивал. Каждый раз эта виртуозность дяди Жоры поражала меня.

Слабость к спиртному он щепетильно, очень тщательно скрывал, но в этом можно было видеть не то дешевое, подчас комичное стремление завязтых алкоголиков «прилично» выглядеть, а проявление высокой, благородной силы духа, которая в борьбе с непоправимо изуродованной плотью, не сдалась страданиям. Иногда для передачи моей «арендной платы» я заходил к дяде Жоре домой, и здесь в глаза бросалась, конечно, бедность, но очень чистоплотная, и очевидный дух взаимоуважения в их семье. Тетя Лиза всегда смотрела на меня с немым укором. Я даже попытался было обойтись без водки, как-то зашел с деньгами, но их не взяли ни дядя Жора, ни она.

Еще он сапожничал. Работал очень быстро, изящно и брал за работу дешево. Наверно, больше по ночам работал, ведь днем всегда дымилась папироса на его посту.

Сыновья родились, когда уже он был без ног. Братья Богдановы. Все трое пацаны отличные — красивые, смышленные. Я подружился с Сашей, младшим, который больше всех был похож на отца. И почему-то только его все называли Богданчиком, по фамилии, а остальных — по именам. Поначалу я к нему относился как взрослый к мальчику, — он был помоложе лет на десять. Бывало, съезжу на заправку с ним на мотороллере, бывало, и на речку. Он помогал мыть мой агрегат, а то и сам брался — всегда охотно, старательно. Быстро вырослел, — не заметили, как вот уже стоит перед нами смышленный, ловкий и красивый парень. С отцом очень дружен; наверно, любимый самый сын. Отца боготворил, заботился всегда, особенно когда тот примет лишнего. Его военные истории, очень гордась, мне пересказывал, перечислял серьезные награды, которые дядя Жора почему-то никогда не надевал. В сарае-гараже хранился инвентарь сапожный, и Саша знал его прекрасно — наверно, помогал отцу.

Слег дядя Жора, когда был Сашка в армии. Но умер, его дождавшись. Я помню у подъезда гроб. Блестят военные награды на красной подушечке. Рыдает тетя Лиза, два сына слез сдержать не могут. Соседей много. И только Богданчик в солдатской форме, высокий и худой и очень по-отцовски смуглый, стоит, совсем не замечая никого, стоит без слез и смотрит, смотрит на отца. Как они похожи! Да, очень! Даже и теперь. И ясно так представилось, что дядя Жора тоже очень стройным и высоким был. Не видел никогда сын в полный рост отца, не мог побегать с ним, под потолок забраться на загривок. И только вот сейчас, в гробу, отец его, как и у всех, нормального, большого даже роста. Да, именно вот их — отца и Сашку — соединяло что-то очень прочно. И молча, не проронив слезинки, сын младший больше всех скорбел...

Прошло много лет. Но по-прежнему ненормально пусто смотрится подъезд без низенькой фигуры на дощечке. Глаза закроешь, наш представишь двор — он там всегда, дымится папироса, и в облачке ее все витает его худой и смуглый профиль.

Сараем Жориным я пользовался долго, мне тетя Лиза сразу отдала его. Старалась не заплакать, когда состоялся этот разговор. Там у меня с годами менялись мотороллеры и мотоциклы. Как вспомню это время!

Но затевалась стройка, и сарай этот снесли. Едва успел перекатить под окна «Яву». Забрал канистры, хлам кое-какой перенес в подвал под домом. Потом сумел построить сам сарайчик, который тоже вскоре был снесен. Пришлось окончательно расстаться со своей мототехникой.

Впрочем, ненадолго. Купил уже машину, но обходился пока, как мог, без гаража. Затем в кооперативе строил тот пару лет. За городом практически, разве сравнишь такой с сарайчиком в своем дворе! Смирился.

Пришла пора монтировать проводку в новом гараже. Я составил хитрую схему, все закупил, что надо. Но ясно понял вдруг, что этот сложный план мне самому не воплотить вовеки. Ведь мой гараж двухъярусный, с мастерской, с подвалом.

Тут мне удачно так Богданчик подвернулся. Давно он на заводе как раз по электричеству работал. Женат, отец уже. Толковый, взрослый человек. Но выпить не дурак. По выходным берем с ним, что положено, закуску и едем на окраину в гараж. И потихонечку штробим, монтируем и тянем провода.

Всегда после работы, конечно, посидим. Гаражная идиллия мужская. Ведь денег он не брал принципиально, и приходилось, вот, сидеть, но это и приятно с хорошим, веселым человеком. Да и работали мы без спешки, с анекдотами и шутками. А когда пришло время провести проводку в подвал, Сашка с переноской спустился первым.

Вдруг слышу громкий вскрик оттуда. Я испугался — что там? Крик непонятный. «Сашка, ты что?!» В люк заглянул.

Он с переноской в руке стоит в углу у кучи керамзита. «Что с тобой?!» Не отвечает. Я тоже быстро вниз. «Что случилось?!» Молчит, недвижим, как заклинило его. Примаса непонятная во все лицо.

И тут я вижу, что перед ним валяется тележка — та именно тележка его отца. Когда-то я на ней возил керамзит — на стройке очень пригодилась. Сюда попала, конечно, из сарая во дворе.

Но что она для Сашки означала! Через столько лет! На самой окраине города, у черта на куличках, в темном углу подвала чужого гаража, ни с того ни с сего внезапно встретиться с реликвией семьи. Ведь он родился, когда отец уже словно прирос к тележке этой. По сути для него ведь это часть отца! И как же я безжалостно и грубо не подумал об этом...

— Жорина... — лишь смог выдать Саша.

Он никогда отца не называл так. Могла лишь тетя Лиза. И в этом было что-то. Он вроде как увидел это глазами всей семьи и чувствовал за всех.

Саша, наконец, из этого оцепененья вышел, перед тележкой склонился, положил рядом лампу и еще долго-долго молча разглядывал, трогал помощницу отца. Конечно, помнил ее до трещинки мельчайшей.

Я понял, что в этот день уже никакой работы не получится. Выбралась наверх. Молча нехитрый стол накрыли.

И посидели молча.